

HISTORY OF THE EAST

National History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-758-771>

Исторические науки

Кочевники на древнерусских рубежах (X — начало XIII в.)¹

Юлий Иванович Дробышев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>

Аннотация. Статья посвящена особенностям взаимодействия тюркоязычных кочевников и восточных славян (прежде всего — предков русских и украинцев) в X — начале XIII в., т. е. до монгольского завоевания. Автор отталкивается от разработок известного историка и антрополога Т. Барфилда, обосновавшего «стратегию внешней границы», которой придерживались кочевники Центральной Азии по отношению к Китаю начиная с эпохи хунну. Целью статьи является поиск ответа на вопрос, применима ли гипотеза Барфилда к взаимоотношениям кочевников западного сектора евразийских степей и русских княжеств. Материал кратко анализируется по нескольким параметрам в сравнении с классической моделью «Китай — кочевники»: отношение кочевников к новым землям на западе, экономическое значение кочевников для Руси, цель и характер их набегов, брачные союзы русских и половцев, институт заложничества. Система взаимоотношений, подобная той, что существовала между кочевниками и Китаем, не могла сложиться здесь не в последнюю очередь из-за отсутствия стабильной централизованной власти как на Руси, так и в кочевьях. Высказывается предположение, что в условиях политической раздробленности степной культ Вечного Синего Неба не играл в политической жизни кочевников заметной роли. Автор приходит к заключению, что на востоке степного пояса географический и мировоззренческий факторы препятствовали стиранию границы кочевого и оседлого миров, тогда как на западе они благоприятствовали их слиянию и фактическому поглощению кочевничества оседлой цивилизацией восточных славян.

¹ Статья подготовлена по научной теме «История и культура тюркских народов Евразии» (FMNN-2024-0004).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Ключевые слова: кочевники, половцы, Русь, границы, Китай, монгольские завоевания

Для цитирования: Дробышев Ю. И. Кочевники на древнерусских рубежах (X — начало XIII в.). *Ориенталистика*. 2024;7(4-5):758–771. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-758-771>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-758-771>

Nomads on the Old Russian frontiers (10th — early 13th centuries)²

Yuliy I. Drobyshev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

Abstract. The article deals with specific features of interaction between Turkic-speaking nomads and Eastern Slavs, the ancestors of Russians and Ukrainians in the 10th — early 13th century. The author follows the results of the famous historian and anthropologist T. Barfield, the Professor and Chairman of the Anthropology Department at Boston University (USA). Barfield justified the “strategy of the external border”, which the nomads of Inner Asia adhered to as applied to China since the Xiongnu era (3rd century BC to the late 1st century AD). The purpose of the article is to find an answer to the question of whether Barfield’s hypothesis applies to the relationship between the nomads of the western sector of the Eurasian steppes and the Russian principalities. The sources are briefly analyzed from several positions taken in comparison with the classical “China-nomads” model. These positions are as follows: the attitude of nomads to new lands in the West, the economic importance of nomads for Russia, the purpose and nature of their raids, the marriage unions of Russians and Polovtsians, and the institution of hostage-taking. A system of relationships similar to the one that existed between nomads and China could not develop here, not least because of the lack of stable centralized power both in Russia and in the steppe. It is suggested that at the time of political fragmentation, the steppe cult of the Eternal Blue Sky did not play a significant role in the political life of nomads. The author concludes that in the East of the steppe zone, geographical and ideological factors prevented the erasure of the boundaries of the nomadic and sedentary worlds. On the contrary, in the West, they favoured their merger and the actual absorption of nomadism by the sedentary civilization of the Eastern Slavs.

Keywords: nomads, Polovtsians, Rus, frontiers, China, Mongol conquests

² The article was prepared on the scientific topic “History and culture of the Turkic peoples of Eurasia” (FMNN-2024-0004).

For citation: Drobyshev Yu. I. Nomads on the Old Russian frontiers (10th — early 13th centuries). *Orientalistika*. 2024;7(4-5):758–771. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-758-771> (in Russian).

Введение

Славянские и тюркские народы соседствовали по меньшей мере с VI в. Одни тюркские народы вели кочевой образ жизни на просторах степей, другие жили более оседло в Поволжье. Здесь речь пойдет, прежде всего, о первых, поскольку именно они оказали наибольшее влияние на ход истории в регионе. Чаще всего межэтнические взаимоотношения носили военный характер, хотя в периоды перемирия заключались брачные союзы и, вероятно, существовал более или менее постоянный обмен товарами. Несмотря на периодические смены населения степей, за века славяне адаптировались к своим беспокойным соседям и оказывали на них культурное влияние, которое выражалось, в частности, в приобщении кочевников к христианству. В свою очередь, номады передавали славянскому оседлому населению некоторые достижения кочевой цивилизации в части военного дела, деталей одежды, элементов в области духовной культуры. Вдоль границы леса и степи сформировалась фронтальная зона, где происходило активное взаимодействие двух цивилизаций; здесь «свои поганные», т. е. дружественные кочевые роды, служили буфером между славянами и новыми волнами пришельцев из степей.

Так продолжалось до XIII в., когда из глубин Центральной Азии пришла совершенно другая, гораздо более мощная и сплоченная сила — монголы. Скорее всего, причиной их первого появления в южно-русских степях в 1223 г. было преследование половцев, которые были их главными врагами и конкурентами за степные ресурсы. Как известно, разбитые монголами половцы обратились за помощью к русским князьям, и те решили, что лучше встретить противника на чужой земле, чем на своей. Поход закончился полным поражением русско-половецкой рати на реке Калке. Монголы ушли, но недолгое время спустя вернулись снова, и на этот раз их власть утвердилась и над русскими княжествами, и над кочевой степью. Возникшее по итогам походов внука Чингис-хана Бату (Батый русских летописей, 1209–1255) политическое образование позже получило название Золотая орда. Оно объединило часть восточных славян и тюркоязычных номадов под властью монгольских ханов почти на 250 лет.

Многовековая история взаимодействия кочевников и восточных славян к настоящему времени изучена достаточно хорошо, насколько позволяют отрывистые сообщения письменных источников и археологические материалы. В прошлом взгляды ученых нередко имели тенденцию к одной из крайностей: либо демонизации, либо идеализации этих взаимоотношений, что в определенной степени типично для работ, касающихся контактов кочевого и оседлого миров, вообще. Невольная демонизация преобладала, видимо, просто потому что подавляющее большинство историков сами были представителями оседлой цивилизации. Напротив, сторонники идей евразийства имели склонность выдвигать на передний план позитивные, конструктивные аспекты этого взаимодействия и затушевывать негатив. Как водится, истина

лежит где-то посередине. Беспристрастный анализ событий, происходивших вдоль границ степи и пашни, учитывающий как наработки прежних лет, так и современные исследования, приводит к пониманию своеобразного симбиоза кочевников и оседлых народов, который складывался и поддерживался объективными законами — как социальными, так и природными, — регулирующими жизнедеятельность человеческих сообществ.

Каких бы высот прогресса ни достигло человечество, оно по-прежнему вынуждено считаться с условиями природной среды. В древности и средние века зависимость людей от этих условий была неизмеримо больше. Под воздействием рельефа, определенных климатических режимов и диктуемых ими особенностей экосистем с тем или иным набором флоры и фауны человеческие коллективы вырабатывали адаптивные модели существования, приведшие к формированию различных хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Среди большого количества ХКТ специалисты выделяют те или иные разновидности оседлого земледелия и кочевания, тяготеющие к соответствующим ландшафтам. Сравнительная бедность степей доступными ресурсами, сильная зависимость кочевого хозяйства от погодных капризов, невозможность запастись продуктами впрок в достаточных количествах, отсутствие или слабое развитие ремесленного производства толкали ее обитателей к добыванию всего недостающего у соседей. В зависимости от политической ситуации этот процесс мог принимать характер мирной меновой торговли либо жестоких набегов.

Важно подчеркнуть, что к конкретной природной обстановке адаптировалась не только материальная, но и духовная культура народов, ведя к глубоким различиям в менталитете кочевников и оседлых. У первых был сильнее развит воинский дух; по сути, воином был каждый мужчина-кочевник. Грабительский набег расценивался кочевниками как занятие, достойное свободного мужчины, а земледельческий труд считался уделом рабов и нищих. Поэтому средневековые историки были по-своему правы, когда подчеркивали «хищную» натуру степняков. В то же время разные экологические ниши, которые занимали оседлые земледельцы и кочевые скотоводы, избавляли их от войны на уничтожение или полного подчинения одних другими. С точки зрения эксплуатации природных ресурсов, им нечего было делить: лесная зона была весьма малопригодна для круглогодичного выпаса многотысячных стад, как и степь не подходила для хлеборобства и огородничества. Поэтому славянские и тюркоязычные кочевые народы жили бок о бок, не стремясь занять земли друг друга и не имея реальной возможности навязать свою власть соседям на сколько-нибудь длительный период. Естественно, это не исключало частых конфликтов и обоюдного стремления поживиться за счет друг друга.

Исследуя принципы, по которым выстраивалось взаимодействие кочевников Центральной Азии и Китая, американский историк и антрополог Т. Барфилд обосновал «стратегию внешней границы», которой придерживались воинственные кочевники [Barfield, 1989]³, а отечественный исследователь Н. Н. Крадин разработал концепцию «престижной экономики» кочевого обще-

³ См. также русское издание: [Барфилд, 2009].

ства [Крадин, 2002; Крадин, 2003]. Ввиду несхожести природных зон, ни для степняков, ни для китайцев тоже не было весомых причин простираť свою власть и колонизировать земли соседей. В принципе жители Поднебесной вполне могли бы обойтись без контактов с кочевниками, но те нуждались в продукции оседлого мира, в первую очередь в шелке, изделиях из металла, предметах роскоши, а также в некоторых продуктах питания — зерне, алкогольных напитках. В традиционном Китае торговля диктовалась политикой, поэтому рынки на границах функционировали не постоянно, а несанкционированная торговля с кочевниками строго пресекалась. Набеги на приграничные населенные пункты издревле практиковались степными вождями не только ради грабежа. Они сопровождались разрушениями, убийствами, вытаптыванием и сжиганием урожая с целью заставить китайского императора открыть рынки и регулярно присылать в ханскую ставку дорогие подарки, которые затем распределялись среди элиты, с целью гарантировать ее лояльность. Тогда правитель кочевой политики прекращал грабительские рейды и даже помогал китайским властям подавлять мятежи внутри страны или защищать ее от внешних угроз — и так до следующего этапа охлаждения отношений. Согласно Т. Барфилду, эта модель работоспособна при выполнении ряда условий, причем одно из важнейших — наличие как в степи, так и в Китае прочной централизованной власти. В противном случае договариваться о мире никому и не с кем, набеги становятся бессистемными и превращаются в обычный бандитизм. Ученый также проследил почти синхронное сосуществование на востоке Евразии империй Хань и хунну, Тан и древних тюрков, на примере которых он и разобрал механизм трансграничного взаимодействия. В частности, по этой причине автор данной статьи использует китайские материалы как своего рода эталон и не подкрепляет их ссылками, уделяя основное внимание славяно-тюркскому взаимодействию.

Итак, наблюдалось ли что-то подобное описанному Т. Барфилдом в западной части евразийского материка? К сожалению, отношения между кочевыми народами и русскими княжествами задокументированы слабее, но и имеющихся материалов хватит, как представляется, для некоторых обобщений. Наиболее обильны сведения о половцах, которые и будут в центре внимания в данной работе.

Взаимодействие кочевого и оседлого миров на западных и восточных рубежах

Степи и лесостепи Центральной Азии — это тот «этногенетический котел», в котором тысячелетиями «бурлили» кочевые этносы, во многом формировавшиеся из прежних компонентов, это их родина, к природе которой они прекрасно адаптированы. Соседние народы также можно рассматривать как часть их окружающей среды, поскольку к их наличию тоже было необходимо приспособляться в плане ведения хозяйства, военного дела, наконец, психологически. Следовательно, земледельческий Китай на юге всегда являлся для кочевников своеобразным, но привычным внешним экологическим фактором. Он был источником разных полезных вещей, дефицитных в степях, а иногда оттуда исходила угроза, однако важно подчеркнуть, что номады

хорошо представляли, как надо вести себя с этим соседом, чтобы с наименьшим риском получать максимальную выгоду. Как отмечалось выше, для этого не надо было устанавливать оккупационный режим, присоединять к своим кочевьям китайские территории или даже просто заниматься там постоянным грабежом: степняки научились добывать необходимое, в том числе — посредством заключения мирных договоров с китайскими императорами, которые под видом подарков доставляли номадам условленную плату за спокойствие на границах.

Западная оконечность степного пояса служила скорее «терминалом», куда время от времени прибывали новые волны кочевников, чаще всего не по своей воле, а уходя от более сильных врагов на востоке. Для них это была чужая земля, которую еще предстояло освоить. Археологи четко фиксируют эту важную грань по характеру погребений. Могилы предков, даже в первом их поколении, уже символизируют не только физическое, но и духовное освоение пространства, которое теперь требует к себе иного, бережного отношения. Но сначала пришлые роды буквально катятся по степи огненным валом, сметая на своем пути всё, что создает им препятствия — и обосновавшихся здесь ранее кочевников, и островки оседлости. Эти волны периодически заплескивались и на земли русских княжеств, производя грабежи и разорения. В отличие от коренного населения Центральной Азии, едва ли не все оказавшиеся в южно-русских степях номады не имели опыта конструктивного систематического общения с жителями оседлых стран. Они были воинами, а не дипломатами, и привыкли добывать всё необходимое в бою. Проблема осложнялась еще и нестабильностью, притоком новых кочевников, для которых эти просторы поначалу тоже являлись совершенно чужими (чего практически не наблюдалось в Центральной Азии, где сменялись правившие династии, а население оставалось, по сути, тем же, кочующим на прежних местах). По-видимому, это была одна из причин, порождавших кровавые конфликты на южных рубежах Древней Руси. Вот почему русским было необходимо иметь на степных границах заслон из союзных кочевий, уже приобретших навыки относительно мирного сосуществования. С ними сроднялись, обменивались достижениями материальной и духовной культуры, вели совместные боевые действия против общих врагов.

До прихода монголов у славян не было опыта взаимодействия с мощными централизованными объединениями кочевников. Хазарский каганат не был типичной кочевой империей и к тому же был отделен от славянских земель степной полосой, где обитали авары, угры и другие кочевники. По выражению Б. А. Рыбакова, он представлял собой нечто вроде «огромной таможенной заставы» [Рыбаков, 1953, с. 150], наживавшейся в том числе на обложении пошлинами русских купцов. В эпоху доминирования печенегов, торков (гузов), берендеев, позже совокупно именовавшихся в русских летописях «черными клобуками», а затем (с 1055 г.) и половцев единовременно здесь не наблюдалось. Степные пространства были поделены между различными родами, что усложняло переговорный процесс: вопросы войны и мира приходилось решать с каждым кочевым вождем в отдельности. Более того, далеко не всегда существовала прочная центральная власть на самой Руси. Номадам приходилось

взаимодействовать с князьями нескольких княжеств: Рязанского, Киевского, Черниговского, Переяславского, причем последнее в силу географического положения испытывало наиболее сильное давление со стороны степей.

Однако появление новых врагов (в данном случае речь идет о половцах), когда прежним хозяевам кочевий некуда было уходить, а собственных сил для противостояния не хватало, делало их более сговорчивыми. Кочевники прижимались к границам русских земель, частично переходили на оседлость. Многие из них расселили на территории Поросья — исторической области между реками Стугной и Росью (правые притоки Днепра южнее Киева). Ее центром был город Торческ, известный в летописях с 1093 г. и просуществовавший до монгольского нашествия [Бубенок, Головкин, 2021; Чхаидзе, 2022]. По мнению Д. А. Расовского, в 1093, 1105 и 1125 гг. половцы нападали на русские владения именно с целью вернуть укрывшихся там кочевых беглецов — печенегов и торков, которых они считали своими холопами [Расовский, 1940, с. 102–103]. Здесь трудно не провести аналогию с монголами, пытавшимися убедить в 1223 г. русских, что они пришли совсем не ради войны с ними, а чтобы вернуть в подчинение своих «конюхов», в роли которых на этот раз оказались сами половцы.

Однако даже такие грозные враги Руси, вошедшие в былины, как Тугоркан (1028–1096) и Боняк (до 1070–1167?), возглавляли, по словам С. А. Плетнёвой, «какое-то рыхлое, неустойчивое и весьма неопределенное географически объединение половцев» [Плетнёва, 1975, с. 274]. Очевидно, его трудно сравнивать с кочевой империей хунну или древнетюркскими каганатами. Враждующие между собой русские княжества тоже не походили на Китай эпохи Хань или Тан. Политическая турбулентность мало способствовала долгосрочному миру на границах.

Между тем личность вышеупомянутого Боняка заслуживает большего внимания. По-видимому, он, как и его центрально-азиатские соплеменники, воплощал обе ипостаси истинного кочевого правителя — светскую и сакральную. Первая вытекает из его действий, вторая, как кажется, явствует из следующего эпизода, зафиксированного в Ипатьевском своде под 1097 г.: «яко бысть полунощи. и встав Боняк отъеха от рати. и поча выти волчьски. и отвыся ему волк. и начаша мнози волци выти» [*ПСРЛ*, т. 2, 1998, стлб. 245]. Надо полагать, это своеобразное общение со своим тотемом должно было придать хану⁴ сил накануне битвы с венграми. К сожалению, скупое на слова русское летописание не позволяет составить представление о культе Вечного Синего Неба у половцев и других кочевников южнорусских степей.

Трудности в примирении разных мировоззрений осложняли улаживание конфликтов. И кочевники, и китайцы считали Небо гарантом миропорядка, причем и те, и другие были убеждены (на этот счет есть достаточно свидетельств от древности до Нового времени), что оно особо благоволит именно им, ввиду чего свои действия они расценивали, как правило, как небоугод-

⁴ Строго говоря, в раннем русском летописании вожди nomadов именуются князьями, а не ханами, чем подчеркивается их равенство с князьями Руси. Как известно, это правило перестало действовать, когда Русь оказалась в подчинении у монголов. Правители Улуса Джучи, начиная с Бату, называются в русской историографии царями.

ные, а акции противника — идущими вразрез с небесной волей. Поскольку Небо нередко карает отступников руками своих верных людей, в роли таковых охотно видели себя и кочевники, и китайцы. К сожалению, как отмечалось выше, о культе Неба у кочевников южнорусских степей нам мало что известно. Можно лишь предполагать, что вследствие отсутствия у них единоначалия, подобного тому, которое регулярно наблюдалось в кочевых империях Центральной Азии, этот культ не играл здесь выраженной политической роли и, следовательно, не провоцировал экспансию с целью объединения всего, что есть под Небом. Неизвестно, в какой мере он определял стремительный и мощный половецкий натиск, столь же бескомпромиссный по отношению к прежним насельникам степей, каким в XIII в. будет монгольское нашествие к самим половцам. Условно говоря, в домонгольский период русской истории борьба православия и тюркского «язычества» в большей степени диктовалась экономическими причинами и допускала больший простор для компромиссов.

Принципиальным сходством внешней политики кочевых вождей в восточном и западном секторах степного пояса было безразличие к территориальным приобретениям за пределами привычной степной среды обитания. «Если мы отметим эту чрезвычайную привязанность половцев к степям и равнодушие к другим географическим зонам, нам станет понятна и вся история половцев, в основе своей лишенная какой-либо серьезной большой агрессии, стремлений к завоеваниям вне степей», — писал Д. А. Расовский [Расовский, 1940, с. 96]. Он характеризовал половецкие войны как «статические», которые не могли серьезно угрожать Руси, почти целиком лежавшей в лесной полосе, и затрагивали не более одной пятнадцатой доли ее пространства. Глубокие проникновения половецких отрядов всегда происходили с помощью кого-то из русских князей [Расовский, 1940, с. 98].

Чаще половцы нападали на Русь осенью [Каргалов, 1967, с. 37]. Аналогично поступали кочевники на китайских рубежах, и это обуславливалось как минимум двумя обстоятельствами: во-первых, осенью земледельцы собирали урожай, и номадам оставалось лишь отнять его; во-вторых, за лето их кони откармливались на хороших пастбищах и были готовы к походам. Однако, если на границе с Китаем конница должна была преодолевать довольно большие расстояния и пересекать бесплодные пустыни, то кочевым соседям Руси зачастую хватало одно-двухдневного перехода по нейтральной степной полосе.

Разумеется, и в Поднебесной, и на Руси по достоинству оценили возможности степной кавалерии. Уже в 980 г. летопись фиксирует первое участие печенегов в княжеских расправах [ПСРЛ, т. 2, 1998, стлб. 66], но максимального размаха это явление достигло в половецкое время и продолжилось при монголах. Китайцы тоже приглашали кочевников для помощи в решении внутренних проблем. Например, уйгурская конница участвовала в подавлении мятежа Ань Лушаня (ок. 703–757) и его последователей, продолжавшегося с 755 по 763 г. Характерно, что от номадов пострадали не только инсургенты. Уйгуры безжалостно разграбили восточную столицу Танской империи — Лоян. Как китайцы, так и русские старались создавать на приграничных территориях буфер из лояльных кочевых орд и использовать их не только для защиты, но и для нападения. Например, в 1092 г. половцы вместе с теребовльским князем

Василько (ок. 1066–1124) ходили в поход на Польшу: «а се же лето воеваша Половцы Ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ» [*ПСРЛ*, т. 1, 1926, стлб. 215]. Семь лет спустя князь Давид Волынский (ок. 1055–1112) пригласил кочевников против венгров. Половцы сыграли решающую роль в их разгроме на реке Сане [*ПСРЛ*, т. 1, 1926, стлб. 270–271]. Подобных примеров можно привести много.

Несмотря на отмеченное сходство, между политическими коллизиями на степных границах Руси и Китая существовал ряд немаловажных различий, обусловленных как географией, так и менталитетом. Самодостаточный Китай не нуждался в торговых или дипломатических путях через степь, которая отделяла его от сибирской тайги, в которой у Поднебесной не было ни торговых партнеров, ни союзников. Выходом за пределы китайской цивилизации обычно служил Ганьсуский коридор, огибавший владения кочевников с юго-запада. На западе ситуация была противоположной: временами номады блокировали русским выход к Черному морю, через который осуществлялась не только международная торговля, но и лежал прямой путь в Константинополь, где находилась резиденция Вселенского православного патриарха, и если зарубежные товары можно было получать различными путями, например, через Новгород, то духовное окормление русского народа из католической Европы было решительно невозможным. Из трех важнейших торговых путей, проходивших через Русь на юг: Залозного, Греческого и Соляного, первый прекратил функционировать уже с конца XI в., а остальные приостановились в XII в., что напрямую связывают с половецким влиянием [Каргалов, 1967, с. 58]. Таким образом, в экономической жизни русских княжеств кочевой заслон играл гораздо более существенную роль, чем для Китая.

Цель набегов кочевой конницы на востоке и западе тоже различалась. Если в случае с Китаем значение имела не просто добыча сама по себе, а еще и перспектива вынудить китайские власти открыть рынки на границе и, сверх того, получать замаскированные под «подарки» постоянные выплаты, то сделать русских регулярными данниками подобным методом не получалось вплоть до монгольского нашествия. В пору своего могущества половцы заключали с князьями мирные соглашения, скрепленные с русской стороны богатыми дарами. Узнав, что в Киеве появлялся новый великий князь, они спешили установить с ним мир — по существу, договориться о плате за спокойствие. Однако участие половцев в русских междоусобицах в 1130–1150-е гг. приучило их к мысли, что прямые грабежи дают больше выгоды, чем «подарки», и они порой не шли на мир даже после понесенного ими поражения [*ПСРЛ*, т. 7, 1856, с. 54]. Симптоматично, что кочевники не стеснялись разорять и владения своих союзников, позвавших их на Русь. Точно так же в XIII–XIV вв. поступали и монголы, которых русские князья тоже пытались использовать в своих интересах.

Хотя Русь могла предложить в качестве откупа скот, зерно, меха, золото или драгоценные ткани, вряд ли она могла вполне удовлетворить аппетиты кочевников и в этом отношении сравняться с Китаем, который выращивал зерна неизмеримо больше, а главное, производил столь ценившийся номадами шелк. Однако степняки нашли здесь другой источник обогащения, который плохо работал на востоке. Взять с бедных русских крестьян было почти нече-

го, кроме разве что их урожая, зато можно захватить их самих, чтобы продать в рабство где-нибудь в Корсуни или Суроже, откуда их потом развозили по всему Ближнему Востоку. Видимо, немалый доход приносил агрессорам и выкуп пленных. Известный дореволюционный историк П. В. Голубовский считал даже, что наряду со стремлением обратить всё в пустыню, где так вольно дышится степному наезднику, захват «полона» являлся главной целью кочевых вторжений на Русь [Голубовский, 1884, с. 81–82]. Его размер бывал порой весьма значительным. Так, по словам летописца, в 1160 г. на Смоленщине половцы «взяша душ боле тмы а иныя исекоша» [ПСРЛ, т. 2, 1998, стлб. 508]. Самим кочевникам рабы были практически не нужны: с выпасом скота они легко справлялись сами, а охранять невольников и перекочевывать с ними довольно хлопотно и опасно. Только сильные кочевые объединения, имевшие постоянные оседлые ставки, могли себе позволить пригонять туда в заметных количествах пленных ремесленников и прочих полезных людей, а также молодых женщин, способных пополнять степное народонаселение, но заработать на работоторговле в Центральной Азии было проблематично. Транспортировка узников через огромные расстояния в условиях частых войн едва ли могла окупиться; такое стало возможным на сравнительно короткое время лишь в эпоху единой Монгольской империи.

Еще одним примечательным различием была система браков между оседлыми и номадами. В Китае такие браки однозначно не приветствовались и допускались лишь тогда, когда кочевники бывали особенно сильны и иные способы умиротворить их оказывались неэффективными: тогда с ними заключали договоры, «основанные на мире и родстве» (*хэцинь*). Чаще всего в степь отправляли не особенно знатную девушку, хотя уверяли, что она из рода императора (аналогично поступали византийцы с монголами). Невест из степи не брали никогда, чтобы император формально не занял положение ниже кочевого вождя, оказавшись его зятем, так как это противоречило китаецентристской доктрине, согласно которой выше императора в мире не могло быть никого. Представители китайской власти на местах в браки с «варварами» вообще не вступали. На Руси отношение к семейным узам с кочевниками было иным. Породиться с ними не считалось особенно зазорным: можно определенно говорить о 10–11 брачных союзах Рюриковичей с половчанками (хотя, возможно, их было больше) [Литвина, Успенский, 2013, с. 21]⁵, причем княжеским сыновьям давали в жены ханских дочерей, очевидно, не опасаясь понижения статуса самих князей относительно ханов. Ища в 1228 г. поддержки у Котьяна (?–1241), Даниил Галицкий (1201–1264) не постеснялся обратиться к нему с такими словами: «Отче! измяти воиноу сю. прими мя в любовь себе»

⁵ Авторы отмечают: «В ранних русских источниках мы не найдем упоминаний о том, чтобы князь женился на женщине, взятой из рода печенегов, торков или берендеев. Нет такого рода свидетельств и относительно Черных Клобуков... только статус половецких княжон оказывался достаточно высоким, чтобы они годились в невесты Рюриковичам» [Литвина, Успенский, 2013, с. 23]. По-видимому, дело было все же не в статусе половчанок, а в военной силе их отцов, и не князя «снисходили» к кочевникам, беря в жены их дочерей, а скорее наоборот — они делали это вынужденно, как и в Китае.

[ПСРЛ, т. 2, 1998, стлб. 753], хотя он даже не был зятем Котьяна — с половецким ханом прежде уже породнился Мстислав Удатный (1176–1228).

Впрочем, обязательное крещение невесты в некотором смысле уравнивало тех и других. При этом неизвестны случаи, когда русскую девушку выдавали за номада, одной из важнейших причин чего была опять же религия: гарантировать ей возможность оставаться полноценной христианкой в условиях степей не представлялось реальным [Толочко, 2003, с. 122], поэтому поступить так означало загубить ее душу. Начало родственным связям Руси со степью положил в 1094 г. Святополк Изяславич (1050–1113), взяв в жены дочь Тугоркана [ПСРЛ, т. 1, 1926, стлб. 226], затем, около 1101 г., последовал брак Олега Святославича (?–1115) и дочери Оселука (?–после 1127), в 1117 г. — Андрея (1102–1141), сына Владимира Мономаха (1053–1125), и внучки Тугоркана [ПСРЛ, т. 1, 1926, стлб. 285] и т. д. Однако подобные брачные союзы не обеспечивали на русских землях мира. Князья нередко призывали своих кочевых родственников для участия в борьбе против своих же соотечественников и вместе ходили проливать русскую кровь.

Наконец, на русском пограничье выработалась практика обмена заложниками (др.-рус. *таль*). Например, в 1101 г. русские и половцы «пояша тали межю собою» [ПСРЛ, т. 1, 1926, стлб. 275]. Святослав (?–1114), сын Владимира Мономаха, был некоторое время в заложниках в орде Кытана (?–1095), а у Олега Святославича находился сын Итларя (?–1095); впрочем, эта история закончилась трагически по вине Мономаха [ПСРЛ, т. 1, 1926, стлб. 226; ПСРЛ, т. 2, 1998, стлб. 217–219]. Такой характер взаимоотношений, думается, тоже демонстрирует равноправие двух сторон, немислимое в Китае, где институт заложничества был односторонним: при императорском дворе несли почетную службу сыновья степных вождей, которые в прямом смысле слова отвечали головой за непокорность своих отцов, а кроме того — они вольно или невольно пропитывались китайской культурой, которую несли потом в родную степь и тем самым смягчали, по замыслу китайских чиновников, кочевые нравы.

Заключение

Возможно, проживание тюрков и восточных славян в непосредственной близости в итоге сnivelировало бы наиболее острые противоречия и привело к достаточно мирному сосуществованию. Изучение русско-половецких столкновений показывает, что с течением времени они утрачивали интенсивность и сменялись совместными боевыми действиями и периодами мира [Плетнёва, 1975, с. 297]. Широкая контактная лесостепная зона позволяла усваивать некоторые хозяйственные навыки друг у друга, а браки способствовали смешению разных культур и закреплению нового опыта в последующих поколениях. Граница между двумя цивилизациями была здесь более проницаемой, чем на востоке, а различия в менталитете не настолько велики, как между китайцами и обитателями степей. Известный тезис китайской политической философии о номадах, что они имеют тело человека, а сердце дикого зверя, делал контакты с ними нежелательными и вынужденными. У Поднебесной не было своего интереса на северных рубежах и тем более далеко за ними. Искать

с кочевниками мира было не принято — ими надо было издалека повелевать. Считалось, что правление в Китае монарха, взрастившего до предела свою гуманность, автоматически сподвигает периферийные «варварские» народы являться с дарами и знаками подчинения. Никакого равноправия в сношениях и союзах со Степью быть не могло. Интересно, что точно с такими же претензиями на международную арену выступили в начале XIII в. монголы. И половцы, и русские, и даже сами китайцы были для них не более чем потенциальными слугами. Монголы оказались слишком сильны и имели ярко выраженную идеологию мировой власти, не ограниченную, как прежде, границами своей природной зоны. Они круто изменили субординацию кочевого и оседлого миров на большей части Евразии, включая и западную ее часть.

Таким образом, на основании краткого сопоставительного обзора можно заключить, что и географический, и мировоззренческий факторы препятствовали стиранию границы кочевого и оседлого миров на востоке степного пояса, но на западе эти же факторы благоприятствовали их слиянию и фактическому поглощению номадизма оседлой цивилизацией восточных славян.

Список литературы / References

1. Барфилд Т. Дж. *Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.)*. Пер. Д. В. Рухлядева и В. Б. Кузнецова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009 [Barfield T. J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to 1757 AD*. Transl. by D. V. Rukhlyadev and V. B. Kuznetsov. St. Petersburg: Fakultet Philologii i Iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2009 (in Russian)].
2. Бубенок О. Б., Головка А. Б. Население Поросья в предмонгольский и золотоордынский периоды. *Золотоордынское обозрение*. 2021. Т. 9. № 3. С. 478–505 [Bubenok O. B., Golovko A. B. Population of Porosye in the pre-Mongolian and Golden Horde Periods. *Golden Horde Review*. 2021. Vol. 9. No. 3, pp. 478–505 (in Russian)].
3. Голубовский П. *Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.* Киев: Университетская типография, 1884 [Golubovsky P. *Pechenegs, Torks, and Polovtsians before the Invasion of the Tatars. The history of the South Russian Steppes of the IX–XIII Centuries*. Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1884 (in Russian)].
4. Каргалов В. В. *Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники*. М.: Высшая школа, 1967 [Kargalov V. V. *Foreign policy factors of the development of feudal Russia. Feudal Russia and nomads*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1967 (in Russian)].
5. Крадин Н. Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях. *VIII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.)*. Доклады российской делегации. М.: Гуманитарий, 2002. С. 72–78 [Kradin N. N. Prestigious Economy and Power Structure in Nomadic Empires. *VIII International Congress of Mongol Studies (Ulaanbaatar, August 5–12, 2002)*. Reports of the Russian delegation. Moscow: Humanitariy, 2002, pp. 72–78 (in Russian)].

6. Крадин Н. Н. Власть в империи Чингисхана с точки зрения престижной экономики. *Чингисхан и судьбы народов Евразии. Мат. межд. конф.* Улан-Удэ: Изд. БГУ, 2003. С. 36–42 [Kradin N. N. Power in the Empire of Genghis Khan from the Point of View of the Prestigious Economy. *Genghis Khan and the Fate of the Peoples of Eurasia. Proceedings of International Conference.* Ulan-Ude: Izdatel'stvo BGU, 2003, pp. 36–42 (in Russian)].
7. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики.* М.: ПОЛИМЕДИА, 2013 [Litvina A. F., Uspensky F. B. *Russian Names of Polovtsian Princes: Inter-dynastic Contacts through the Prism of Anthroponymy.* Moscow: POLIMEDIA, 2013 (in Russian)].
8. Плетнёва С. А. Половецкая земля. *Древнерусские княжества X–XIII вв.* Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1975. С. 260–300 [Pletnyova S. A. *Polovtsian Land. Old Russian Principalities of the X–XIII Centuries.* Ed. by L. G. Beskrovny. Moscow: Nauka, 1975, pp. 260–300 (in Russian)].
9. ПСРЛ [Полное собрание русских летописей]. Т. 1: *Лаврентьевская летопись.* Вып. 1: *Повесть временных лет.* Изд. 2-е. Л.: Изд. АН СССР, 1926 [Complete Collection of Russian Chronicles (CCRC). Vol. 1: *The Laurentian Chronicle.* Issue 1: *The Tale of Bygone Years.* 2nd ed. Leningrad: Izd. AN SSSR, 1926 (in Old Russian)].
10. ПСРЛ [Полное собрание русских летописей]. Т. 2: *Ипатьевская летопись.* М.: Языки русской культуры, 1998 [Complete Collection of Russian Chronicles (CCRC). Vol. 2: *Hypatian Codex.* Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998 (in Old Russian)].
11. ПСРЛ [Полное собрание русских летописей]. Т. 7: *Летопись по Воскресенскому списку.* СПб.: Типогр. Э. Праца, 1856 [Complete Collection of Russian Chronicles (CCRC). Vol. 7: *Chronicle of the Voskresensky List.* St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1856 (in Old Russian)].
12. Расовский Д. А. Половцы. IV. Военная история половцев. *Seminarium Kondakovianum.* Вып. XI. Белград: Типогр. «Светлость», 1940. С. 95–128 [Rasovsky D. A. *Polovtsy. IV. Military History of the Polovtsians. Seminarium Kondakovianum.* Issue XI. Belgrade: Tipografiya "Svetlost", 1940, pp. 95–128 (in Russian)].
13. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. *Советская археология.* 1953. Т. XVIII. С. 128–150 [Rybakov B. A. *On the Role of the Khazar Khaganate in the History of Russia. Soviet Archeology.* 1953. Vol. XVIII, pp. 128–150 (in Russian)].
14. Толочко П. П. *Кочевые народы степей и Киевская Русь.* СПб.: Алетейя, 2003 [Tolochko P. P. *Nomadic Peoples of the Steppes and Kievan Rus.* St. Petersburg: Aleteya, 2003 (in Russian)].
15. Чхаидзе В. Н. Центр Древнерусского Поросья — город Торческ. *Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова.* М.: ИА РАН, 2022. С. 516–526 [Chkhaidze V. N. *The Center of the Old Russian Porosie — the City of Torchesk. Russian Middle-Century City. Archaeology. Culture. To the Anniversary of Alexey Vladimirovich Chernetsov.* Moscow: IA RAS, 2022, pp. 516–526 (in Russian)].

16. Barfield T. J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to 1757 AD*. Cambridge, Mass.: B. Blackwell, 1989.

Информация об авторе

Дробышев Юлий Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена рецензентами 26.10.2024; принята к публикации 28.10.2024; опубликована 20.12.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Yuliy I. Drobyshev — PhD. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow, Russia; altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 26.10.2024; accepted for publication 28.10.2024; published 20.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.